

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 8.82-3

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ОБЛОМОВ И ОЛЬГА)

Н.Г. Комар

Аннотация

Статья посвящена проблеме семьи в романе И.А. Гончарова «Обломов». Взаимоотношения главных героев – Ильи Ильича Обломова и Ольги Ильинской – анализируются с позиции традиций русской литературы, что позволяет говорить о западноевропейских корнях гончаровской философии любви, несмотря на наличие православного контекста, свойственного древнерусской культуре в восприятии любовных и семейных отношений.

Ключевые слова: проблема семьи, испытание любовью, традиции древнерусской литературы, западноевропейская традиция, религиозное осмысление.

В настоящее время одним из ведущих направлений в исследовании русской классической литературы является ее осмысление в контексте религии, что вполне закономерно, так как источником русской культуры и в том числе литературы является православие. Можно указать работы М.М. Дунаева, И.А. Есаулова, А.В. Моторина, В.С. Непомнящего, А.Н. Ужанкова, изучающих литературу в названном аспекте. Изучению личности и творчества Гончарова в свете религиозной мысли посвящены исследования В.К. Дмитриева, М.М. Дунаева, В.И. Мельника, С.Н. Шубиной. В статье мы рассмотрим взаимоотношения главных героев с позиции изначальных традиций русской литературы, чего ранее в науке не предпринималось.

Проблема семьи – одна из проблем, которые никогда не потеряют своей актуальности, она всегда была магистральной для литературы вообще и русской – в частности. В разные периоды развития отечественной словесности вопросы, связанные с семьей, то выдвигались на первый план, то отступали в тень. Так, идеалы семьи сформировались еще в древнерусской литературе, а эпоха нового времени сместила акцент с семьи на государство. Однако проблема семьи так или иначе затрагивалась во всех произведениях русской литературы.

Безусловно, для Гончарова проблема семьи является очень важной. В романе «Обломов» показана вся жизнь Ильи Ильича – с раннего детства и до смерти.

Именно уклад его семьи сыграл решающую роль в становлении его личности. В отечественном литературоведении во многих работах анализируется «Сон Обломова». Действительно, детство Илюши, его воспитание объясняют многое в характере главного героя. Как известно, любая семья начинается с любви, любовь – это чувство, которое роднит людей, ведь ближе отца и матери у ребенка никого нет, и породниться они должны именно любовью.

Тема любви в романе И.А. Гончарова «Обломов» достаточно полно исследована в отечественной науке. Вот что, в частности, пишет В.А. Недзвецкий: «Любовной коллизией определена и форма гончаровского романа. Она выполняет в нем роль структурного центра, объединяющего и освещающего все иные компоненты» [1, с. 45]. Именно любовь является испытанием, своего рода сдачей экзамена в жизни и Ильи Ильича Обломова, и Ольги Сергеевны Ильинской.

Прежде чем перейти к рассмотрению взаимоотношений между героями, дадим магистральный для русской литературы с древнейших времен контекст «любви». Для этого обратимся к традициям древнерусской словесности, где любовь между мужем и женой была тождественна евангельской любви, основанной на жертвенности: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1Кор.13:4–8). Древнерусские писатели были убеждены в том, что только такая любовь может быть условием счастья в семье и что стремление к семейному счастью вполне естественно для каждого человека. С XVII века в русскую литературу проникает другое понимание любви, и акцент с жертвенности постепенно перемещается на страсть, базирующуюся на эгоизме, стремлении к наслаждениям. Такое понимание любви связывается с влиянием на русскую литературу западноевропейской культуры.

Попробуем разобраться, почему герои Гончарова столкнулись с большими разочарованиями, с несчастьем в любви. Сначала проанализируем взгляды Обломова и Ольги на любовь, брак, семью до встречи героев. При этом правильным, с нашей точки зрения, будет рассмотреть их взаимоотношения в свете образцовых для древнерусской культуры взаимоотношений Петра и Февронии Муромских в том виде, в котором они отображены в произведении Ермолая-Еразма.

Повестью о первых годах пребывания Ильи Ильича в Петербурге, Гончаров замечает: «Это все было давно, еще в ту нежную пору, когда человек во всяком другом человеке предполагает искреннего друга и влюбляется почти во всякую женщину и всякой готов предложить руку и сердце, что иным даже и удается совершить, часто к великому прискорбию потом на всю остальную жизнь» (О, с. 48). Автор, с иронией называя эти дни «блаженными», подчеркивает их пустоту – «радовался пустякам и от пустяков же страдал» – и подробно описывает взаимоотношения Обломова с прекрасным полом: «В эти блаженные дни на долю Ильи Ильича тоже выпало немало мягких, бархатных, даже страстных взглядов из толпы красавиц, пропасть многообещающих улыбок, два-три непривилегированные поцелуя и еще больше дружеских рукопожатий, с болью до слез. Впрочем, он никогда не отдавался в плен красавицам, никогда

не был их рабом, даже очень прилежным поклонником, уже и потому, что к сближению с женщинами ведут большие хлопоты. Обломов больше ограничивался поклонением издали, на почтительном расстоянии. Редко судьба сталкивала его с женщиною в обществе до такой степени, чтоб он мог вспыхнуть на несколько дней и почесть себя влюбленным. От этого его любовные интриги не разыгрывались в романы: они останавливались в самом начале и своею невинностью, простотой и чистотой не уступали повестям любви какой-нибудь пансионерки на возрасте» (О, с. 48). Можно заметить, что слова «невинность», «простота» и «чистота» употребляются с иронией. Показательно в этом смысле сравнение с пансионеркой на возрасте.

Интересно, что рассуждения автора строятся на противопоставлениях: с одной стороны, Илья Ильич больше всего «бегал тех бледных, печальных дев... в которых светятся “мучительные дни и несправедные ночи”, дев с неведомыми никому скорбями и радостями, у которых всегда есть что-то вверить, сказать, и когда надо сказать, они вздрагивают, заливаются внезапными слезами, потом вдруг обовьют шею друга руками, долго смотрят в глаза, потом на небо, говорят, что жизнь их обречена проклятию, и иногда падают в обморок» (О, с. 49). С другой стороны, его «чистая и девственная» душа «ждала своей любви, своей поры, своей *патетической страсти* (курсив наш. – Н.К.)» (О, с. 49). В разговоре со Штольцем Обломов признается в том, что «гаснул и губил силы с Миной: платил ей больше половины своего дохода и воображал, что люблю ее» (О, с. 149). В связи с этим трудно согласиться с мнением Е.А. Краснощековой: «Юность у героя была нормальная, то есть обыкновенная, значит причину “невзросления” (непосредственного перехода от молодости к старости) надо искать на более ранних этапах жизни героя» [2, с. 263].

Из текста следует, что Обломов боялся страсти, но именно о ней и мечтал. Гончаров сталкивает противоположные, исключаящие друг друга понятия: «патетическая страсть» и «чистая, девственная душа». По наблюдениям Л.М. Лотман, Обломов в своих взглядах очень легко сочетает «с одной стороны, сентиментально-романтическую, отвлеченно-целомудренную любовь как норму отношений дворянина с возлюбленной “своего” круга и, с другой – грубо чувственную “барскую любовь” в отношении к крестьянке и вообще женщине низшего сословия» [3, с. 190]. В разговоре со Штольцем он рисует счастливую семейную жизнь: «Потом, как свалит жара, отправили бы телегу с самоваром, с десертом в березовую рощу, а не то так в поле, на скошенную траву, разостлали бы между стогами ковры и так блаженствовали бы вплоть до крошки и бифштекса. ... Там толпа босоногих баб, с серпами, голосят... Вдруг завидели господ, притихли, низко кланяются. Одна из них, с загорелой шеей, с голыми локтями, с робко опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется от барской ласки, а сама счастлива... тс!.. жена чтоб не увидела, боже сохрани!» (О, с. 146).

В мечтах Обломова полнее всего раскрываются его взгляды на семью: «Праздная дворня сидит у ворот; там слышатся веселые голоса, хохот, балалайка, девки играют в горелки; кругом его самого резвятся его малютки, лезут к нему на колени, вешаются ему на шею; за самоваром сидит... царица всего окружающего, его божество... женщина! жена! А между тем в столовой, убранной

с изящной простотой, ярко заблестали приветные огоньки, накрывался большой круглый стол... садятся за обильный ужин; тут сидит и товарищ его детства, неизменный друг его, Штольц, и другие, все знакомые лица; потом отходят ко сну...» (О, с. 62). Гончаров не раз отмечает, что его герой был счастлив в этих мечтах до той поры, пока они не начали рассеиваться. Об истинном отношении Ильи Ильича к женитьбе мы узнаем из следующего эпизода. На слова Захара о необходимости освободить квартиру, так как хозяйский сын женится, у Обломова вырвалось: «Ах ты, боже мой! <...> Ведь есть же этакие ослы, что женятся!» (О, с. 14). А ведь именно в таких бессознательных порывах человек и высказывает самое сокровенное, в этих мелочах и проявляется его сущность.

Парадоксально и то, что восприятие Обломовым службы связано с семьей: «Воспитанный в недрах провинции, среди кротких и теплых нравов и обычаев родины, переходя в течение двадцати лет из объятий в объятия родных, друзей и знакомых, он до того был проникнут семейным началом, что и будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия, вроде, например, ленивого записыванья в тетрадку прихода и расхода, как дельвал его отец» (О, с. 46). Мы видим множество противоречий во взглядах Обломова на жизнь, по поводу которых часто звучит авторская ирония. И это неправильное восприятие жизни героем обусловлено атмосферой, царившей в его семье.

Однако душа и сердце Обломова в романе часто называются чистыми, девственными, кристальными и т. д. И здесь хотелось бы отметить, что понятие чистоты сердца религиозно по своей сути, так как не рассматривается ни в науке (включая психологию и педагогику), ни в философии. А. Ткаченко справедливо замечает: «идеал обломовщины, по сути своей, – религиозный, напрямую отправляющий нас к богословскому пониманию истории мира и человека» [4, с. 68]. Исследователи считают, что Гончаров был религиозным человеком и прекрасно знал православную традицию: «трудно не увидеть прямых и бесчисленных высказываний писателя, подтверждающих его глубокую укорененность в религии, в его статьях, письмах, воспоминаниях», – пишет В.И. Мельник в книге «Гончаров и православие. Духовный мир писателя» [5, с. 6–7]. В православной традиции, лежащей в основе древнерусской литературы, разграничиваются понятия нравственной чистоты и духовности. Чистое сердце – плод духовности, оно воспитывается долгим трудом над собой, и чем чище сердце человека, тем больше несовершенства он за собой замечает. Так, феномен святости включает три основных положения: святые постоянно хранили себя от греха (даже в помыслах), но при этом считали себя грешнее всех людей, поэтому невозможно осудить кого бы то ни было (винили только себя), однако никогда не унывали, так как верили в милосердие Божие. От них всегда исходило тепло и любовь, радость и утешение, не случайно люди шли к ним со своими бедами, невзгодами, болезнями. Примечательно, что именно в признании своей неправоты и заложено развитие человека (осознал – исправил). Вот как понимается чистота сердца. В древнерусской литературе нет ни одного упоминания о святом, который бы признал чистоту и девственность своего сердца. Отсюда прием самоуничтожения у древнерусских писателей.

У Обломова другое мировоззрение, он ни разу не признал свою вину: «Горько становилось ему от этой тайной исповеди перед самим собою. Бесплодные сожаления о минувшем, жгучие упреки совести язвили его, как иглы, и он всеми силами старался свергнуть с себя бремя этих упреков, найти виноватого вне себя и на него обратить жало их. Но на кого? – Это все... Захар! – прошептал он» (О, с. 79). Даже в горькую минуту осознания потери Ольги, крушения всех надежд на счастье с ней он так и не понял своей вины. Может быть, такое противоречие (напомним, писатель часто говорит о чистоте сердца Обломова) можно объяснить тем, что повествование ведется от лица Штольца, который понимает чистоту сердца по-своему – она больше соотносится с сентиментальными проявлениями, нежностью, эмоциональностью, не стремлением к стяжательству и карьере и т. д. (все это относится к нравственности, а не к духовности). Поэтому вполне можно согласиться с М.М. Дунаевым, который пишет: «Обломов нравственно чист, но полнота духовных стремлений ему неведома» [6, с. 120].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод: до встречи с Ольгой у Обломова накопился отрицательный, с точки зрения древнерусской культуры понимания чистоты сердца, духовный опыт – как оказалось, он не был готов к семейной жизни и серьезным отношениям. Однако и о его полной безнадежности говорить нельзя.

Обратимся к героине. До ее встречи с Обломовым Ольга неизвестна читателю, она раскрывается только в отношениях со Штольцем. Гончаров отмечает главное: она «чувствовала себя слишком ребенком перед ним» и «самолюбие ее иногда страдало от этой незрелости, от расстояния в их уме и летах» (О, с. 154). Наряду с самолюбием важной чертой ее натуры является «свобода взгляда, слова, поступка» (О, с. 155). В чем заключается такая свобода и к чему может привести, Гончаров прекрасно показал в романе, об этом пишет М.Ю. Белянин: «Ольга своим отношением к жизни утверждает своеволие как принцип, а самоутверждение под покровом Высшего чувства – как метод» [7, с. 105].

Большую роль в развитии событий играет первая встреча главных героев. И здесь вместо того, чтобы по-женски пожалеть Обломова и помочь ему почувствовать себя как дома, Ольга начинает бесцеремонно разглядывать и дразнить его, она ведет себя неделикатно. Такое поведение ненормально для девушки: кроме нарушения рамок приличия, Ольга нарушает и закон человеческих отношений. «Чему улыбаться? – продолжал думать Обломов. – Если у ней есть сколько-нибудь сердца, она должна бы замереть, облиться кровью от жалости, а она...» (О, с. 156). Ильинская видит, как реагирует Обломов: от этих взглядов он был готов «сквозь землю провалиться»; «Что это такое? – говорил он, ворочаясь во все стороны. – Ведь это мученье! На смех, что ли, я дался ей? На другого ни на кого не смотрит так: не смеет. Я посмирнее, так вот она...» (О, с. 157), но продолжает потешаться над ним. В облике Ольги часто акцентируются блуждающая улыбка и сжатые губы: «улыбка так и ползала у ней по лицу... только губы сжаты, как всегда»; «О! да она... с ней надо быть осторожным»; «Он зорко поглядел на нее: у ней все лицо смеялось, а губы нет» (О, с. 158).

Реакция Обломова на действия Ольги, его поведение вполне показательны, он также бесцеремонно обращается с ней, и даже Штолец замечает: «Ты грубиян, Илья!» (О, с. 159). Трудно согласиться с исследователями, считающими, что

Обломов грубит Ольге, так как является очень честным человеком. Здесь именно реакция на бестактное поведение девушки и «романтическая “маска и поза”», которые, по мнению Б.М. Энгельгардта, «во всем... оказываются в Обломове органическим проявлением его изначальной духовной организации» [8, с. 58].

Итак, если рассматривать ситуацию с точки зрения автора «Повести о Петре и Февронии», в чувствах героев с самого начала не было главного – уважения, столь необходимого во взаимоотношениях мужчины и женщины, и это неуважение исходило от Ольги. Напомним, в «Повести о Петре и Февронии» болезнь Петра возобновляется именно из-за того, что тот не проявляет к Февронии должного уважения, но Феврония со смирением переносит такое отношение, однако не позволяет его в дальнейшем, вместе с тем продолжая бережно относиться к князю.

Мы не будем останавливаться на том, как возникло чувство между Ольгой и Обломовым. Обратим внимание только на те моменты, в которых, на наш взгляд, раскрывается христианское понимание образов героев.

Вернемся к образу Ильи Ильича. Напомним, что его чувство к Ольге возникло под воздействием музыки и ее сильного голоса: «В заключение она запела *Casta diva*: все восторги, молнией несущиеся мысли в голове, трепет, как иглы, пробегающий по телу, – все это уничтожило Обломова: он изнемог» (О, с. 160). Однако чувство Обломова противоречиво: «Она – злое, насмешливое создание! – подумал Обломов, любуясь против воли каждым ее движением» (О, с. 161). И этому вспыхнувшему чувству Гончаров дает определение: «Ее взгляд встретился с его взглядом, устремленным на нее: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть» (О, с. 165). Удивительно точно передано состояние героя – нет самого человека, нет любви, есть только безумная страсть, о которой, напомним, Обломов мечтал еще в юности. Эта страсть владела им и тогда, когда он предлагал Ольге руку и сердце. Он был глубоко потрясен и опечален спокойным принятием его предложения и стал спрашивать, согласилась бы она на незаконную связь. Ольга, в отличие от Обломова, прекрасно понимала, куда ведет этот путь: «Я не хочу ни чахнуть, ни умирать» (О, с. 234). Но несмотря на то, что героиня отвергает незаконную связь, она, однако, позволяет Илье Ильичу этот неуважительный разговор.

Внешность Ольги также повлияла на отношение к ней Обломова: «Боже мой, какая она хорошенькая! Бывают же такие на свете! – думал он, глядя на нее почти испуганными глазами, – эта белизна, эти глаза, где, как в пучине, темно и вместе блестит что-то, душа, должно быть!» (О, с. 162). Заметим, что в древнерусской литературе внешняя красота не играла никакой роли. Для Ильи Ильича внешняя красота имеет значение: «В чем не согласишься, глядя на вас!», – восклицает он. Эти слова отсылают читателя к мотиву продажи души, и, по сути, это оскорбление для девушки, а не комплимент. Сами героини осознают пошлость комплимента: «Пошлый! – договорил он, не спуская с нее глаз. Она с улыбкой подтвердила значение слова» (О, с. 164). И в этом случае Ольга позволяет ему неуважение. Далее Обломов снова высказывает парадокс: «трудно быть умным и искренним в одно время, особенно в чувстве» (О, с. 164). И некрасивый, даже предательский, поступок Обломов совершает после посещения его Ольгой на Гороховой улице. Во время свидания он готов был целовать ее ноги,

снова было много восторгов и обещаний, но как только Ольга ушла, он стал уверять Агафью, что приходила портниха, а не его возлюбленная и тем более не невеста: «Нет, нет! – опровергал Обломов. – Помилуйте, та барышня, про которую болтает Захар, огромного роста, говорит басом, а эта, портниха-то, чай, слышали, каким тоненьким голосом говорит: у ней чудесный голос. Пожалуй-ста, не думайте...» (О, с. 290). Во всех этих эпизодах проявляется эгоизм Обломова, неуважение к Ольге и нежелание проникнуться ее интересами, стремлениями, ее жизнью. Только однажды ему удается проанализировать их отношения – когда он просыпается утром с поразившей его мыслью: «Живи не как хочется, а как Бог велит». Герой удивительно быстро пишет письмо, после отправки которого испытывает чувство легкости и радости. Обломов дает точное определение их отношениям – «склон, пропасть», признает у себя недостаток силы воли («Где напасешься на каждый миг оглядки и силы воли...» (О, с. 203)), пишет Ольге: «вы меня не любите и не можете любить», ведь любить – значит жертвовать. Однако он не хочет признать, что и он не может любить. И в письме, и в дальнейшем поведении Обломова проявляются эгоизм и боязнь за себя, он не может решиться попросить прощения, только риторически спрашивает: «Что ж мне теперь делать: просить прощения»? Позже он снова выскажет парадоксальную мысль: «любовь вопьется в сердце (недаром я чувствую там от-верделость)» (О, с. 209).

Отметим, что в соответствии с традиционным для русской литературы взглядом на семью между мужем и женой должно быть равноправие и согласие, но первенствующая роль в семье должна принадлежать мужу. Жена, конечно, имеет определенную силу, но эта сила заключается в ее способности мягко влиять на мужа, и влияние должно быть направлено не на удовлетворение собственных желаний, а на благо семейных отношений. Никто не имеет права порабощать волю другого человека: свобода должна быть неприкосновенной. Люди созданы свободными, даже Бог не посягает на их свободу. Такое влияние жены на мужа, оставляющее ему полнейшую свободу действий и решений, мы видим в «Повести о Петре и Февронии»: простая девушка утешала, поддерживала и укрепляла дух своего мужа-князя в трудные минуты, однако все решение принимал он. Совсем не так ведет себя Ольга.

Ольга к моменту встречи с Обломовым накопила отрицательный опыт в отношении любви и семьи, ее стремление – встать на одну ступень с мужчиной и даже выше его. Любовь Ольги к Обломову родилась не столько под воздействием музыки, сколько из обиды и уязвленного самолюбия. Основное качество героини – гордость: она гордо ответила, у нее гордый взгляд и т. д. Гордость проявляется даже физиологически: «Она даже вздрагивала от гордого, радостного трепета; считала это уроком, назначенным свыше. Она мысленно сделала его своим секретарем, библиотекарем» (О, с. 267). Суть положения Обломова автор передает словами «А он ничего: идет тихо, будто волочит хвост, как собака, на которую топнули» (О, с. 214). Удивительнее всего то, что эти слова, глядя на Обломова, произносит про себя Ольга. Она ждет и требует от него безропотного выполнения ее приказаний. Однако «что мог он ей дать?» – задается вопросом М.М. Дунаев, – «что может дать умирающий больной, требующий лишь самоотверженного ухода за собой и не обещающий никаких душевных

наслаждений? Он может дать возможность проявления подлинной любви – и что можно дать более душе человеческой? Ей мало этого? Она же хотела получить, но оказалось, что нужно тратить: душевную заботу, тепло, внутренние усилия. И она немедленно отступилась» [6, с. 121–122]. Пробуждение не состоялось. Оно и не могло состояться, поскольку «основано было на человеческом своеволии и рациональности – с одной стороны, и на “дыхании страстей” – с другой» [9, с. 128–129].

Таким образом, в романе изображена встреча двух сосредоточенных на своих личных интересах людей и показано, к чему привели их отношения. Не случайно на протяжении всего романа Ольгу и Обломова не покидает чувство стыда: «Чувство неловкости, стыда, или “срама” мешало ему разобраться, что это за порыв был; и вообще, что такое для него Ольга? Уж он не анализировал, что прибавилось у него к сердцу лишнее, какой-то комок, которого прежде не было. В нем все чувства свернулись в один ком – стыда» (О, с. 167). Это чувство стыда живо в героях и после – тогда, когда они, независимо друг от друга, рассказывают обо всем Штольцу.

Кроме того, отношения героев омрачены постоянным предчувствием беды: «У ней с того дня как-то странно на сердце... должно быть, ей очень обидно... даже в жар кидает, на щеках рдеют два розовые пятнышка...» (О, с. 168), «Он хотел что-то сказать, пересиливал себя, но слова с языка не шли; только сердце билось неимоверно, как перед бедой» (О, с. 169); у Ольги «примешивалась горечь раскаяния, боязнь ошибки» (О, с. 195); «что-то холодное, как змея, вползало в сердце, отрезвляло ее от мечты, и теплый, сказочный мир любви превращался в какой-то осенний день, когда все предметы кажутся в сером цвете» (О, с. 273); «Меня грызет змея». Гончаров очень точен в оценках состояний и переживаний своих героев. Так, Обломов, подытоживая в письме отношения с Ольгой, с горечью констатирует: «Вот она логика увлечений и страстей» (О, с. 204). Далее герои дают своим отношениям совместное определение: «А вы видите только мрачное впереди; вам счастье нипочем... Это неблагодарность, – продолжала она, – это не любовь, это... – Эгоизм! – досказал Обломов» (О, с. 211).

Из испытания любовью герои выходят по-разному. У Ольги в самую тяжелую минуту жизни, когда она осознает полный провал, наступает прозрение, она восклицает «Бог наказывает меня!..» (О, с. 302) и понимает, за что: «За гордость... я наказана, я слишком понадеялась на свои силы» (О, с. 300). Здесь впервые перед читателем предстает не холодная статуя, не гордая повелительница, а простой несчастный человек: «умница пропала – явилась просто женщина, беззащитная против горя» (О, с. 302). Хорошо об этом написал М.М. Дунаев: «Ольга, вознамерившаяся воскресить и спасти Обломова, не задумавшись, имеет ли она на то потребные внутренние силы, предает его в самый решающий момент именно из-за своей несознаваемой душевной обломовщины. Если Илья Ильич больше ленится телом, то Ольга – душою. От общения с Обломовым, от его любви, от его «спасения» она ожидала прежде всего некоего внутреннего комфорта, утонченных душевных удовольствий – но стоило ей почувствовать, что их отношения начинают выстраиваться не по тому шаблону, какой она лелеяла в душе, как она тут же отказывается от “подвига”, хоть и претендовала на него прежде в душевной гордыне. <...> Страшные слова – и паразитическое

саморазоблачение! Надеюсь, что он будет жить для нее? Вот где проговорилась, что не Обломова она любила для него самого, а для себя любила – и себя самое поэтому» [6, с. 121].

Обломов, в отличие от Ольги, так и не захотел открыть глаза и признать свою вину, он снова погрузился в сон, мечты... На память приходит параллель с «подпольным человеком» Ф.М. Достоевского: «Вопрос: кто такой? Ответ: лентяй; да ведь это неприятно было бы слышать о себе. Значит, положительно определен, значит, есть что сказать обо мне. “Лентяй!” – да ведь это званье и назначение, это карьера-с. Не шутите, это так. Я тогда член самого первейшего клуба по праву и занимаюсь только тем, что непрерывно себя уважаю. <...> А я бы себе тогда выбрал карьеру: я был бы лентяй и обжора, но не простой, а, например, сочувствующий всему прекрасному и высокому. Как вам это нравится? Мне это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мне затылок в мои сорок лет; но это в мои сорок лет, а тогда – о, тогда было бы иначе! Я бы тотчас же отыскал себе и соответствующую деятельность, – а именно: пить за здоровье всего прекрасного и высокого. Я бы придирался ко всякому случаю, чтоб сначала пролить в свой бокал слезу, а потом выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свете обратил тогда в прекрасное и высокое; в гадчайшей, бесспорной дряни отыскал бы прекрасное и высокое. <...> Наступало раскаяние, я его гнал: слишком уж тошнило. Мало-помалу я, однако же, и к этому привыкал. Я ко всему привыкал, то есть не то что привыкал, а как-то добровольно соглашался переносить. Но у меня был выход, все примирявший, это – спасаться во “все прекрасное и высокое”, конечно, в мечтах» (ЗП, с. 109–110).

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. С одной стороны, мы видим изображение любви в духе романтизма – любовь понимается как движение страсти, что дает исследователям возможность говорить о западноевропейских корнях гончаровской философии любви. С другой стороны, из сделанных нами наблюдений следует, что роман отражает обусловленное православием, свойственное древнерусской культуре восприятие любви и семейных отношений: Гончаров показывает, что в мире, где нет должного воспитания, готовности к семейной жизни, люди просто не умеют любить, следовательно, не могут быть счастливыми, подробно показывает, каким образом эгоизм и эгоистические страсти губят людей. Наличие в романе двух, в данном случае несовместимых, традиций заслуживает специального исследования.

Summary

N.G. Komar. The Problem of Family in I.A. Goncharov's Novel "Oblomov" in the Context of the Old-Russian Literary Tradition (Oblomov and Olga).

The article focuses on the problem of family in I.A. Goncharov's novel "Oblomov". The relationship between the two main characters – Ilya Ilich Oblomov and Olga Ilinskaya – is analyzed from the standpoint of the Russian literary traditions. A conclusion is made about the Western European roots of Goncharov's philosophy of love, despite the Orthodox perception of love and family relationships, typical for the Old-Russian culture.

Key words: problem of family, love test, Old-Russian literary traditions, Western European tradition, religious understanding.

Источники

- О – *Гончаров А.И.* Обломов. – Л.: Худож. лит., 1979. – 447 с.
ЗП – *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1989. – Т. 5. – С. 99–179.

Литература

1. *Недзвецкий В.А.* И.А. Гончаров – романист и художник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 175 с.
2. *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: Мир творчества. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – 496 с.
3. *Лотман Л.М.* И.А. Гончаров // История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1982. – Т. 3: Расцвет реализма. – С. 160–202.
4. *Ткаченко А.* Смерть на диване, или В поисках утраченного рая // Фома. – 2012. – № 6 (110). – С. 66–72.
5. *Мельник В.И.* Гончаров и православие. Духовный мир писателя. – М.: Даръ, 2008. – 544 с.
6. *Дунаев М.М.* Обломовщина духовная, душевная и телесная // И.А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. – Ульяновск: Печ. двор, 1998. – С. 113–124.
7. *Белянин М.Ю.* Ольга Ильинская в системе героев романа И.А. Гончарова «Обломов» // И.А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 100–108.
8. *Энгельгардт Б.М.* «Путешествие вокруг света И. Обломова»: Главы из неизданной монографии // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М.: Наследие, 2000. – С. 15–73.
9. *Дмитриев В.К.* Кто разбудит Обломова?: «Обломовщина» и православие в романе И.А. Гончарова «Обломов» // И.А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. – Ульяновск: Печ. двор, 1998. – С. 125–130.

Поступила в редакцию
30.04.12

Комар Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры истории русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Bellenkaja@yandex.ru